

Экология красоты

«Кто растолкует мне то отрадное чувство, — писал в середине прошлого века И. С. Тургенев, — которое всякий раз овладевает мною, когда я с высоты Висельной горы открываю Мценск? В этом зрелище нет ничего пленительного — а мне весело. Это и есть чувство родины».

Мог ли представить себе И. С. Тургенев, что через несколько десятилетий этот город будет обезображен фашистами, что в одной только Орловской области, где расположен Мценск, они уничтожат сотни и сотни памятников нашей истории, надругаются над святынями нашего народа?

«Завоеватели мира» разрушили и разграбили в нашей стране 1710 городов!

В 1813 году К. Н. Батюшков, потрясенный видом Москвы, сожженной французами, написал: «Мой друг! Я видел море зла». Что сказал бы этот утонченный лирик девятнадцатого века, если бы увидел разрушения, учиненные на нашей земле фашистами в веке двадцатом?

В наше время, когда растет лавина информации, когда каждый день приносит все новые сведения, порой отрицающие то, что еще вчера казалось незыблемым, в наше бурное время даже выработанная современным общественным сознанием мысль, что памятники — воплощение духовной мощи народа, в ряде случаев тускнеет, обретает расхожесть. Действительно, осмотр памятников, например в Ростове, Суздале или Владимире, становится порой своеобразным развлечением, возведенным в ранг экзотики. Для некоторых такое верхоглядство стало модой.

Протестуя против такой расхожести, не напомнить ли нам самим себе, живущим в тревожное для мира время, что памятники являются свидетельством еще и другого: разрушенные войной, они обличают ее, как этого не смогут сделать, пожалуй, сотни статей и книг.

Не стоит ли нам со всей ответственностью задуматься над той простой истиной, что самым хрупким и тонким созданием человеческого духа — произведениям искусства — войны несут только разрушение и уничтожение.

Думаю, что всякому человеку, неравнодушному к судьбам искусства и Отечества, при виде уже совершенных разрушений сознание подсказывает: памятники — это то, что фашисты стремились стереть с лица земли в первую очередь.

И это не догадка: нацистский идеолог Розенберг утверждал, что достаточно уничтожить памятники народа, чтобы он уже во втором поколении перестал существовать как нация...

Чем же стали в войну памятники для нашего народа, вынесшего на своих плечах основную тяжесть сражения с «коричневой чумой»?

Во время блокады Ленинграда граждане этого города решили не маскировать статую А. В. Суворова на Марсовом поле. Все тяжелые блокадные дни образ Суворова вдохновлял ленинградцев. Великий русский полководец сражался вместе с народом.

В годы Великой Отечественной войны все наши памятники стали солдатами, помогали выстоять, вселяли веру в будущность...

В свое время, когда в Москве разворачивалась деятельность Комиссии по делам строений, стараниями которой воскрешалась столица после Наполеона, К. Н. Батюшков утверждал: «В роскошном Париже, в многолюдном Лондоне и Пекине та же самая сумма, то же самое количество добра и зла, по мере пространства, какое и в юртах кочующих народов Сибири или в землянках лапландцев».

Сколько доброты надо было иметь в душе народа, чтобы одолеть, уравновесить то море зла, ту стихию разрушения?

И тем не менее ни Тургенев, ни Батюшков, ни один из представителей культуры золотого девятнадцатого века не могли себе представить, что в двадцатом веке не окажется имени художника, более или менее известного в истории мирового искусства, чьи произведения не были бы похищены или уничтожены фашистами.

Во время Великой Отечественной войны на временно оккупированной советской территории гитлеровцы разрушили и разграбили 427 музеев, 43 тысячи биб-

лиотек, уничтожили тысячи памятников истории и культуры.

Давайте задумаемся над тем, что надо было противопоставить этой стихии зла и разрушения? Какие душевные силы надо было мобилизовать, чтобы восполнить образовавшуюся страшную пустоту?

И могла ли эта пустота заполниться молниеносно, сразу? По-видимому, не могла. Лишь скороспелые умы могут призывать к немедленному воскрешению, ведь речь идет не о простом воспроизводстве, а о творчестве...

Задумывался ли кто над тем, что русское искусство в трагические для судьбы народа времена поднималось до самых поэтических высот?

В эпоху Куликовской битвы была создана «Троица» Андрея Рублева, во времена Великой Отечественной войны — «Жатва» Аркадия Пластова. Это потому, что в народе нашем издревле живут два неразрывных чувства — Прекрасного и Родины; потребность создавать одно и защищать другое и любить все вместе — нераздельно.

Русское искусство всегда являло примеры любви к Отечеству. Вспомним, что в пору неудач под Аустерлицем Орест Кипренский создает произведение «Дмитрий Донской на Куликовом поле». Избранный художником сюжет совершенно определенно обращал современников к мысли о том, что неудачи русских войск не станут решающими в надвигающемся сражении с Наполеоном.

Последующие события вновь и вновь подтверждали силу русского искусства и русского оружия. И Наполеон был изгнан, и Москва заново отстроилась, явив высочайшие образцы искусства, прежде всего архитектуру ампира, которой мы восхищаемся сегодня как памятником той эпохи. И что интересно — в те годы никто не относился к этой архитектуре как к памятнику. Она воспринималась как естественное проявление творчества. Но не это ли признак памятника?

Восторгаясь сейчас, например, архитектурой дома Штейнгеля в Москве, мы, разумеется, знаем, что на его месте и рядом с ним до пожара стояли средневековые палаты, быть может, более прекрасные, чем этот особняк.

Дает ли это нам право снести дом Штейнгеля и восстановить эти палаты?

Разве не является такая мысль схоластичной? Разве древняя красота не возродилась в изысканных пропорциях дома Штейнгеля? Ведь мы никогда не смогли бы представить красоту и величие погибших в результате войн произведений мастеров прошлого, если бы их искусство не возродилось в произведениях художников последующих поколений.

Разве можем мы, восстановив эту часть улицы Рылеева в том виде, в каком она была в семнадцатом веке, отказать целому поколению блистательных мастеров в праве оставить потомкам прекрасные образцы своего творчества?

Уместно в связи с этим вспомнить одну, звучащую теперь архаично мысль о памятниках: «Размышляя о несовершенстве нашей истории и разыскивая истинные тому причины, находим мы, что источники, из которых она почерпнута, весьма недостаточны».

Ее высказал в 1810 году президент Российской Академии художеств А. Н. Оленин, задумывая, по существу, первое в нашей стране систематизированное издание по памятникам. Оно состояло из 6 томов и называлось «Древности Государства Российского». Эта мысль принадлежит человеку, которому мы сейчас во многом обязаны тем, что он первым заложил основы современных представлений об охране памятников, представлений, которые развивались в конце прошлого века представителями передовой части русского общества вопреки сановникам самодержавного строя, а в послереволюционное время вопреки нигилистически настроенным «деятелям».

Именно благодаря А. Н. Оленину понятие памятника стало распространяться не только на архитектуру, но и на живопись, археологию, музыкальные произведения. Именно благодаря Оленину были открыты подлинные ценности (такие, как фрески Софийского собора в Киеве) и отвергнуты мнимые, как, например, детские латы Дмитрия Донского в Оружейной палате.

С тех пор минуло полтора столетия. За это время понятие памятника не только дополнилось за счет архитектурных стилей (ампир, неоклассицизм, модерн), но и расширилось до таких обобщенных категорий, как, например, «народная песня», «заповедная зона».

Теперь уже никто не станет утверждать, как раньше Оленин, что источники, из которых почерпнута наша история, недостаточны.

Памятники стали действенным средством патриотического, идейно-нравственного и эстетического воспитания народа. Время, когда дело их охраны имело оттенок любительства и привкус «увлечения стариной», прошло, как, впрочем, и прошел период, когда людей, по-настоящему влюбленных в памятники, называли ретроградями.

Прогрессивная общественная мысль привела в нашей стране еще и к невиданным во всем мире законодательным актам по охране памятников.

Самое удивительное состоит в том, что этот процесс развивался параллельно с

теми негативными явлениями и действиями по отношению к памятникам, о которых говорилось много критических слов.

Давайте зададим себе вопрос: не является ли это брожение российской мысли своеобразным поэтическим свидетельством неизбежности народного духа? Не возвышает ли нас вера в эту неизбежность над частными и уже несколько затасканными, да простят меня иные словоохотливые радители охраны «памятников старины», представлениями о необходимости оставить любое сооружение прошлых веков только потому, что оно поддерживает «живую связь времен»?

Не употребить ли здесь, развивая этот более широкий подход, вместо слова «неизбежность» другое, вошедшее в наш обиход сравнительно недавно, — экология, представив такое понятие, как экология красоты?

По справедливому мнению Д. С. Лихачева, экология касается не только биологической, но и культурной среды, но ведь последняя непрерывно меняется человеком, и вовсе не обязательно в худшую сторону.

Нисколько не отвергая экологию культуры и ратуя за нее потому, что она защищает интересы памятников, не отметить ли нам при этом, что если бы твердо осуществлялась экологическая культурная программа, например, в веке семнадцатом, то мы могли бы не иметь культуру классицизма, а если в веке девятнадцатом, то такого органического явления, как русский модерн?

Не сказать ли нам, что единственными критериями всякой экологической программы является не стиль, не время и даже не количество восстановленного, а красота и хороший вкус?

Давайте отвлечемся теперь от конкретных стилей и посмотрим, реализуется ли такая экологическая программа у нас в стране? Скажем, в частности, о том, что противопоставило Советское государство такому чудовищному разрушению, какому подвергли памятники фашисты. Оценим, если можно так выразиться, материальный результат экологии красоты.

Сразу после войны, в те самые годы, когда хлеб выдавался по карточкам, когда у миллионов людей не было крова над головой, когда надо было восстанавливать экономику, хозяйство, разрушенные фашистами города, а их (еще раз скажем) было 1740, в СССР началась реставрация разрушенных фашистами памятников. За послевоенные годы только в РСФСР почти полностью восстановлены разрушенные гитлеровцами пригороды Ленинграда, псковские и новгородские древности,

отреставрированы памятники Смоленска и Калуги, Подмосковья и Орла, Брянска и Курска, Калининна и Воронежа, пострадавшие в войну.

Скажем, что это лишь часть той большой работы, которую наше государство проводит по реставрации памятников.

Это ли не главный экологический результат? Это ли не величайший творческий подвиг нашего народа?

В начале нашего века И. Э. Грабарь мог только мечтать о том времени, когда восстановленные наши древние города станут местами паломничества народов мира. А не сказать ли нам, что такое время наступило?

В самом деле, в конце девятнадцатого века среди русских кремлей восстановлен был лишь ростовский. Псковский же, например, как, кстати, и многие другие памятники, лежал в руинах. Именно плачевное состояние множества памятников в дореволюционной России послужило толчком к созданию Общества защиты памятников искусства и старины, призывы которого так и остались «гласом вопиющего в пустыне»: царские власти не решились принять какие-либо законодательные акты по охране памятников.

Жаль, что один только факт восстановления за последние годы городов «Золотого кольца», памятники которых в дореволюционной России были обречены, давайте смотреть на вещи прямо, на медленное умирание, не действует на тех, кто сейчас нет-нет да и произнесет печально или с ухмылкой: «Все погибает».

Есть ли такое государство в мире, кроме нашего, социалистического, которое за короткий исторический срок смогло бы восстановить такое? Восстановить, казалось бы, навсегда утраченное? Это ли не залог того, что еще невозстановленное непременно возродится к жизни?

И есть ли такая страна в мире, такой социальный строй, которые обладали бы такими огромными духовными богатствами?

И приходила ли кому в голову мысль, что в тех странах, в тех местах, откуда исходит угроза миру, нет Покрова-на-Нерли, Кижей, собора Василия Блаженного и, наконец, нет Московского Кремля?

Эти реликвии стоят на нашей земле, в нашей державе, откуда набатом звучат самые желанные, самые заветные для всех народов мира слова: «Нет войне!»

Памятники разрушаются вражескими нашествиями, а создаются художниками. Что же противопоставляют художники разрушению?

Отметим, что в произведениях художников тема Куликовской битвы впервые наша свое достойное воплощение спустя триста лет после битвы — в Ярославской

иконе «Сергий Радонежский», а тема Отечественной войны 1812 года, если говорить о большой литературе, спустя двадцать пять лет в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино».

Вовсе не отвергаются здесь замечательные произведения искусства, созданные на иные темы в те тревожные годы; совсем не о запоздалой реакции на потрясения идет сейчас речь, а о неспешном и вдумчивом создании художественного образа событий во всем их всемирно-историческом величии.

Русскому искусству всегда чужда была патология, натуралистическое изображение битв и человеческих трагедий. И чтобы в полнокровных образах искусства предстал народный подвиг, опозитивированный, возвышающий душу, нужно, чтобы зарубцевались нанесенные войной раны, потускнели так несвойственные искусству впечатления ужаса, нужно Время.

А не является ли теперешний, возникший после большого временного промежутка всплеск всеобщего интереса к памятникам ответом общественного сознания на ту, сорокалетней давности военную стихию разрушения, на то, что некоторые из реликвий безвозвратно потеряны?

Мне вспоминается один памятник, который можно увидеть неподалеку от того места, где в осажденном Ленинграде начиналась «Дорога жизни». Здесь вот уже два века стоит усадьба с интересным названием «Приютино». Почти рядом с ней — монумент блокадным детям. В начале прошлого века Приютино принадлежало А. Н. Оленину. Здесь бывали К. Н. Батюшков, А. С. Пушкин, И. А. Крылов, Н. Н. Гнедич, О. А. Кипренский, К. И. Брюллов, Ф. И. Бруни.

Что же это за памятник?

Он не подлежит скучной методической классификации, то есть это не памятник археологии, не памятник архитектуры и так далее. Это большой, ставший бурным от времени камень в приютинском парке, вокруг которого растут четыре раскидистых дуба. Камень лежит там, где росло когда-то пятое дерево. Оно не распустилось весной 1812 года. Эти деревья посадили дети Оленина. Камень положил Алексей Николаевич.

Почему на месте умершего дерева? Его посадил старший сын Николай.

Что в этом примечательно? Николай Алексеевич Оленин погиб на Бородинском поле. С поручиком Татищевым их убило одним ядром.

Старший из сыновей Оленина покоится ныне вблизи Бородина, а в Приютине о его подвиге напоминает камень на месте дерева, которое умерло в один год с Николаем.

Кто знает, не в приютинском ли парке родились посвященные Анне Алексеевне Олениной строки Пушкина:

Я Вас любил безмолвно, безнадежно...

Кто скажет, сколько еще поэтических строк и настроений появится там, где есть памятники?

В конце девятнадцатого века Анатолий Франс в философском сочинении «Сад Эпикура» утверждал, что «мир обладает одинаковым запасом безумия». В какой-то степени он повторил спустя сто лет мысль Батюшкова о равенстве добра и зла, но сделал это, пожалуй, с большим пессимизмом, может быть, потому, что творил на рубеже веков и острее чувствовал страшные коллизии двадцатого века.

А не добавить ли нам, представителям поколения, которое уже восстановило многие разрушенные войной памятники, что мир обладает и одинаковым запасом красоты?

Красота и Отечество — эти спасительные для души человека нерукотворные понятия воплощены в памятниках. Эти понятия — краеугольный камень нашего народного бытия, они составляют смысл нашей собственной жизни.

Обращаясь к гениальной мысли Ф. М. Достоевского о красоте, можно сказать, что на них держится мир, ведь невозможно представить и нельзя допустить, что по прихоти тех, кто раздувает антисоветизм, бредит идеями гегемонии, грозит «Першингами», ядерным оружием, в один ужасный миг памятники могут исчезнуть.

И, наслаждаясь великими творениями наших предков, веришь — здравый смысл победит, люди не допустят их разрушения.

Н. Визжилин

